

Тихомиров Л. А.
Что такое национализм

В настоящее время появилось нечто вроде моды на национализм. Имеется думская фракция националистов, есть разные общества националистов, явилось даже «новое славянофильство», которое также окрашивает себя некоторым подобием национального освещения. Прочно ли это движение к национальному — покажет будущее, а пока можно лишь сказать, что этому будущему чрезвычайно угрожает неопределенность содержания этого движения.

В нынешнем национализме чувствуется скорее «слово», чем «понятие», и это тем удивительнее, что национализм у нас далеко не нов. Его идея, в разных оттенках славянофильства, получила разработку несравненно более глубокую, чем какой бы то ни было другой принцип, нашим обществом воспринимавшийся. И тем не менее, хотя слово «национализм» раздается всюду, но что составляет содержание этого слова, к какому действию обязывает современного человека его «национализм», — этого пока почти невозможно определить.

Как могло произойти это потускнение содержания, когда национальная идея разрабатывается у нас по малой мере целое столетие сотнями очень крупных работников, философов, ученых, историков, этнографов, до некоторой степени даже юристов? Не станем перепечатывать страниц «Истории русского самосознания» покойного Кояловича, но достаточно напомнить имена Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Самариных, Соловьевых, Данилевского, К. Леонтьева, М. Каткова, Достоевского и т. д. Конечно, идея национальная не обходилась без своего рода «фракций», но, во всяком случае, общие основы ее установлены так ясно, так прочно, что, казалось бы, современный национализм мог очень хорошо знать, что он такое, чего он хочет, какими путями может действовать. А этого-то и нет.

В движении чувствуется не столько самосознание, как голос инстинкта, то есть именно та слабая сторона, по причине которой Россия не умела самостоятельно усвоить европейского просвещения, вечно поддавалась чуждым идеям, вечно копировала чужие учреждения и вообще отличалась печальной чертой «обезьянничанья», свойственного всякой «варварской», не достигшей самосознания нации.

Этот недостаток сознательности составляет слабейшую черту и современного движения, более всего ставящую под вопрос его будущность. Недостаток сознательности препятствует, во-первых, созданию практической программы деятельности, во-вторых, дает полную возможность входить в ряды «националистов» людям, проникнутым совершенно противоположными взглядами и симпатиями. Таким образом, под флагом национализма может развиваться деятельность даже и прямо ему враждебная.

Должно вспомнить, что наше антинациональное, европейничающее движение, в том числе так называемое либеральное и «освободительное», отметили себя своеобразной чертой «фальсификаторства», подделки чужих этикеток как средства борьбы. Движения глубоко национальные этого никогда не делают. Лютер, восставая против папизма, не прикрывался названием «истинного паписта», а шел честно и прямо, как некоторая *новая* сила. Французская революция, стремясь низвергнуть монархию, не прибегла, как у нас, к искажению понятия «Верховной власти», а просто перенесла Верховную власть на народ. У нас же всюду подделка. Идут против Христа и называют себя будто бы исполнителями заветов Христа. Идут против православия и называют себя «истинно православными». Идут против Царя и сочиняют для отнятия у Него власти разные подделки как искажение понятия о «Самодержавии», о «Верховной власти». Эта лживость и фальсификаторство, признак внутренней слабости, могут действовать тем успешнее, чем меньше у нас сознательности в религии, государственном праве или в отношении тех или иных принципов. Преобладание инстинктивности в национальном движении делает и его легко доступным таким преднамеренным искажениям врагов.

Не упоминая уже об искажениях непреднамеренных, как, например, перенос к нам формулы «Россия для русских». Есть народы, для которых такая формула действительно национальна, вытекая из самого духа их и из обстоятельств их истории. У нас же трудно даже понять, какую именно программу способна дать подобная формула, притом же взятая напрокат у иностранцев. А между тем программы, вытекающей из содержания русского духа и из условий русской истории и жизни, у нас не видно и не видно. Точнее говоря, такие программы имеются, но лишь как достояние отдельных мыслителей, не входящее в массовое и партийное сознание.

Вот для того, чтобы иметь будущее, чтобы стать движением прогрессивным и спасительным, современный национализм должен прежде всего развить в массах то понимание, ту русскую самосознательность, какие имеются до сих пор только среди отдельных мыслителей, и в этом отношении непременно разъяснить массе общества и народа самое понятие о «национализме».

В действительности это понятие и принцип в высшей степени ясные и сводятся к тому, чтобы мы были *самими собой*. Нация, народ, как и отдельный человек, имеет свой особый характер, как бы свою, метафорически выражаясь, личность. Этот характер создается и племенными свойствами, и обстоятельствами исторического бытия народа, его собственными трудами над своим устройством, его работой нравственной и умственной и т. д. Национализм есть принцип, согласно которому мы должны жить сообразно этим своим национальным чертам, ибо только создавая жизнь, с ними сообразную, мы можем руководить ей и жить счастливо, можем работать энергично и производительно, возвышая свою нацию и в ее работе давая кое-что полезное для человечества вообще. Для тех, кто понимает это содержание принципа национализма, совершенно ясно, что мы можем быть националистами лишь постольку, поскольку проникнуты знанием и духом своего исторического бытия, знанием и духом своего народа в его прошлом и настоящем, знанием и духом своих вековых учреждений и всего, что нашей нацией вырабатывалось. Вот только будучи таким образом русскими по духу и содержанию, мы способны национально создавать свое настоящее и свое будущее.